

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Наименования производителей действия и атрибутивные имена

© доктор филологии Рената Марчиняк / *Renata Marciniak (Польша), 2009*

Анализ классификаций дериватов с точки зрения их принадлежности к определенной словообразовательной категории, представленных в дидактических пособиях по польскому словообразованию¹, показывает, что общим для всех классификаций является принятый на основе исторических, диахронических исследований критерий, при котором выделение словообразовательных категорий проводится на грамматической основе [Sławski 1974: 58-141], ср. также позицию Марии Бродовской-Хоновской, которая в «Очерке классификаций польских дериватов» пишет: «Словообразовательные категории опираются на существующие в данном языке категории частей речи и господствующие в данном языке синтаксические отношения». [Brodowska-Honowska 1967: 21].

В отношении наименований производителей действия и атрибутивных имен (или, другими словами, наименований носителей признака) принято, что к категории *nomina agentis* мы относим отглагольные образования, а к *nomina attributiva* – образования, мотивированные прилагательными и причастиями [ср. Klemensiewicz 1964: 197-199, 200-202; Grzegorzczukowa 1972: 32-33, *Gramatyka współczesnego języka polskiego 1998: 393, 416, 421*]. Такое механическое решение привело к тому, что ни в одной из общих работ не нашлось места для девербальных наименований носителей признака.

Хотя Рената Гжегорчикова в «Очерке польского словообразования» отмечает, что одна из трудностей в выделении категории *nomina agentis* заключается в близости наименований производителя действия, имеющего потенциальный характер (характер склонности), и атрибутивных имен [Grzegorzczukowa 1972: 76], однако достаточно широкое определение *nomina agentis* (ср. определение: «Это, главным образом, наименования лиц, характеризующихся умением, склонностью или активным выполнением ими определенных действий» [Grzegorzczukowa 1972: 75]) позволяет автору отглагольные дериваты типа *pijak* (пьяница), *spioch* (соня) включать в категорию наименований агенса, а дериваты типа

¹ Ср. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Splawiński, S. Urbańczyk, *Gramatyka historyczna języka polskiego*, Warszawa 1955 и дальнейшие издания; R. Grzegorzczukowa, *Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowotwórstwo opisowe*, Warszawa 1972 и дальнейшие издания; *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, pod red. R. Grzegorzczukowej, R. Laskowskiego, H. Wróbla, Warszawa 1984 и дальнейшие издания.

lakomczuch (лакомка), *brudas* (грязнуля) относить к номинациям носителя признака [Grzegorzczukowa 1972: 76].

Аналогичное решение предлагают авторы монографий, посвященных диалектам, и работ по историческому словообразованию польского языка, которые включают отглагольные дериваты типа *chwalca* (хвастун), *jałka* (заика), *klamca* (лжец), *krzykacz* (крикун), *pijak* (пьяница), *śpioch* (соня) в категорию производителей действия, ср. *xfalca* как N.ag. [Pełowski 1974: 27, *xfalec* [Chludzińska-Świątecka 1972: 163]; *iojkaца* [Bał 1968: 36; Pełowski 1974: 54], *iojkač* [Chludzińska-Świątecka 1972: 164], *iojkol* [Szymczak 1961: 173], *iyjkoца* [Dobrzyński 1967: 10]; *kuamca* [Górniewicz 1968: 69; Kleszczowa 1996: 34]; *kxykač* [Szymczak 1961: 159; Chludzińska-Świątecka 1972: 164]; *pijak (-ok)* [Szymczak 1961: 146; Dobrzyński 1967: 9; Górniewicz 1967: 39; Gruchmanowa 1969: 67; Pełowski 1974: 221; Malec 1976: 23; Cyran 1977: 176; Kleszczowa 1996: 124]; *śpox* [Dobrzyński 1967: 19; Bał 1968: 45, 76].

Как подчеркивает Вацлав Цоцкевич в статье «Как отличить производителя действия от носителя признака», «если значение «умения» еще можно как-то согласовать с понятием наименования деятеля (производителя действия) – противопоставляя потенциального агенса актуальному – то приписывание личному аргументу статуса производителя действия на основании семантического компонента «склонность» все же вызывает протест здоровой семантической интуиции (на которую опирается процедура образования словообразовательных парафраз)» [Cockiewicz 2001: 54].

Анализируя дериваты с точки зрения их принадлежности к словообразовательной категории, исследователи игнорировали проблему перехода из категории в категорию. Однако такие переходы имеют место в классе девербальных дериватов и, как пишет Славомир Галя, в диалектах известны результаты таких перемещений [Gala 2006: 17].

Проблема категориальных переходов, которая рассматривалась с диакронических позиций как результат изменения значения, была давно и хорошо известна. На это еще в 1928 г. указал Витольд Дорошевский: «Таким образом мы видим, что старые широко и избыточно образываемые *nomina agentis* имеют тенденцию к превращению в *nomina attributiva*, то есть наименования носителя постоянного признака» [Doroszewski 1928: 120] или далее: «В большинстве случаев с формациями на *-acz* связано в большей или меньшей степени отрицательное значение или по причине отрицательной оценки самого действия, как в слове *podżegacz* (поджигатель, подстрекатель – бунта или ограбления), или по той причине, что в самом исполнении действия мы усматриваем какие-то черты, вызывающие иронию или неприязнь: так, например, «*uprawiacz poezji*» (от «*uprawiać*» – заниматься чем-л.) – это кто-то, кто,

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

может быть, и крайне увлечен поэзией, но пишет неуклюжие стихи». Этот пейоративный оттенок значения частично является результатом перехода наименований производителя действия в атрибутивные существительные, зачастую приобретающие карикатурный оттенок, вследствие обозначения действий постоянных или часто повторяющихся» [Doroszewski 1928: 121].

На проблему перехода наименований из категории производителей действия в характеризующую категорию обращает внимание и Франтишек Пепловский [Pełowski 1974: 128, 210, 275]. Пепловский отмечает, что «во многих словах на –nik стирается первоначальное значение наименования производителя действия и тогда они частично или полностью переходят в характеризующие наименования» [Pełowski 1974: 210], а также, что «тенденция сближения наименований производителей действия с характеризующими наименованиями типична для большинства дериватов с формантом –са» [Pełowski 1974: 128]. Кроме того, дериваты на –от типа *belkot* ‘заика’, *blegot* ‘сплетник’, *charkot* ‘часто плюющий человек’, *jękot* ‘заика’, *klekot* ‘болтливый человек’, *tomot* ‘заика’, *świergot* ‘сплетник’ автор классифицирует как переходные между наименованиями производителя действия и характеризующими наименованиями, подчеркивая их отрицательные эмоциональные коннотации [Pełowski 1974: 275].

В свою очередь Вера Золотова, анализируя дериваты с суффиком –arz из Словаря Линде, подчеркивает, что еще до XIX в. они, очевидным образом, составляли две семантические группы, а именно: наименования лиц по роду занятий и наименования лиц по характерному признаку, или «имеющие значение излишне любящий что-то, испытывающий слабость к чему-то» [Золотова 1964: 273].

На наименования, имеющие значение склонности (то есть наименования, характеризующие человека по его склонности, любви к определенной деятельности, иногда также по отличающим его постоянным признакам), которые находятся на пограничье агентивных и атрибутивных категорий и по своему значению, семантике приближаются к атрибутивным наименованиям, указывает также Михал Саевич в монографии, посвященной суффиксальной деривации наименований субъекта в наднарвенских белорусских говорах в окрестностях Белостока [Sajewicz 2002: 128-129].

Ежи Райхан в числе дериватов с субъектным значением, образованных от различных частей речи, выделяет группу наименований носителя признака, к которой, помимо наименований субъектов-носителей признака, образованных от прилагательных и существительных, причисляет отглагольные наименования субъекта действия, процесса или состояния (например, *śpioch* (соня), *gadula* (болтун), *strachajło* (трус), *pracuś* (тру-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

дяга), *beksa* (плакса)), в которых, как он пишет, важен не субъект действия, процесса или состояния, а выражение признака (черты), связанной со значением, содержащимся в корне глагола [Reichan 2000: 124].

На подобный аспект уже в 1934 г. обратил внимание Хенрик Гертнер, анализируя дериваты на *-ała* типа *bazgrala* (человек с неразборчивым почерком), *gderala* (человек, который постоянно жалуется), *gegala* (болтун), *guzdrala* (медлительный человек), *sapala* (человек, который постоянно сопит (также жалуется)), *rykala* (в значении 'крикун') и т.д. О такого типа дериватах Гертнер пишет: «Это существительные, практически полностью глагольные, обозначающие лиц по проявлениям, способам производства действия». Характеристика лиц в этих наименованиях составляет, таким образом, **способ** (выделено нами. – *PM*) выполнения определенных действий, не только само действие [Gaertner 1934: 277-278]².

Представленные выше различные позиции в трактовке отглагольных дериватов типа *śpioch*, *pijak*, *krzykacz*... побуждают нас предпринять попытку определить критерий отнесения (классификации) таких дериватов к какой-либо словообразовательной категории.

Вацлав Цоцкевич предлагает в качестве критерия отличия deverбальных наименований производителя действия от deverбальных наименований носителя признака метод анализа значения в версии, предложенной Манфредом Бирвишем [ср. Cockiewicz 2001: 58]. На основании различий в структуре значения Цоцкевич формулирует следующий критерий: «Если в структуре значения категориального деривата аргумент, являющийся семантическим коррелятом словообразовательного форманта, не вступает в непосредственные отношения с предикатом, представляющим собой коррелят словообразовательного форманта, а последний подавляется другим (модальным) предикатом, не имеющим в формальной структуре слова отдельного коррелята, то такой дериват принадлежит не к категории *nomina agentis*, а к категории *nomina attributiva*» [Cockiewicz 2001: 59].

Формулировка этого принципа, как подчеркивает сам автор, автоматически не снимает всех трудностей интерпретации, так как во многих дериватах процесс перехода из наименований производителя действия в наименования носителя признака еще не завершился. Такие дериваты

² Ср. также замечания Витольда Дорошевского: «Вообще суффикс *-ała* означает лиц, которые какие-либо действия производят постоянно или таким образом, что обращают на себя внимание (обычно невыгодное для них): *chrpała*, *jąkała*, *kichała*, *mieszala*, *mrugała*» [Doroszewski 1929: 63] и Валенты Добжиньского, что образования типа *gwizdała*, *jąkała*, *mrugała* «обозначают лиц не только по производимому ими действию, но также и по способу производства данного действия, поэтому большинство таких наименований имеет характер прозвищ с пейоративным значением» [Dobrzyński 1967: 10].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

допускают двойное толкование и подтверждают, что принадлежность деривата к категории N.ag. или N.attr. зависит от актуального контекстного значения и их не всегда возможно классифицировать на основании только словарного значения лексемы [ср. Cockiewicz 2001: 61]. Кроме того, очень ярко проявляется разница между актуализируемыми в процессе употребления функциями там, где имеет место дифференциация и специализация значений (чаще всего дословного и переносного), ср.

Byli wśród nich zginacze podków, naciągacze sprężyn i inni siłacze. – Среди них были разгибатели подков, натягиватели пружин и другие силачи. (N.ag. – дословное значение);

To oszust i naciągacz. – Это обманщик и мошенник (N.attr. – переносное значение);

Jako ubezpieczenie marszowe dowódca oddziału wysłał przodem sześciu lekko uzbrojonych szperaczy. – Для обеспечения безопасности командующий отрядом выслал вперед шесть легковооруженных дозорных (N.ag.);

Antykwariaty i giełdy staroci to prawdziwy raj dla szperacza i potrafi on tam znaleźć rzeczy, których kto inny nawet nie zauważy. – Букинистические магазины и блошинные рынки – это настоящий рай для собирателя, он может найти там вещи, которых кто-то другой даже не заметит. (N.attr.).

Если критерии, указанные Цоцкевичем, могут в какой-то степени оказаться достаточными для интерпретации материала литературного польского языка, то для дериватов, функционирующих в диалектах, нужно бы было найти дополнительные критерии.

Анализ диалектного материала показывает, что при интерпретации дериватов нельзя руководствоваться исключительно одним критерием: синтаксическим, словообразовательным или лексическим. Хотя, как подчеркивает Славомир Галя, лексическое значение не является целью словообразовательной интерпретации, оно оказывает влияние на категориальную семантику. Поэтому анализ диалектных дериватов должен проводиться как с точки зрения функционирования дериватов на лексическом уровне, то есть с точки зрения лексического значения, выраженного корнем, так и с точки зрения словообразовательно-грамматического значения, формируемого словообразовательным формантом вместе с мотивирующим словом [Gala 2006a: 16-18; Gala 2006b: 381]. Помимо семантического компонента, лексическое значение мотивирующего глагола часто вносит в десигнат элемент оценки. Выражение эмоционального содержания, помимо лексического значения основой, может также коннотироваться с помощью форманта. Таким образом, мы видим, что если на семантическом уровне можно говорить о категориальной регулярности, то на стилистическом уровне выражение эмоционального значения, коннотируемое основой, формантом, контек-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

стом или конситуацией, становится причиной перехода из категории в категорию. Носитель стилистической информации, представляющий признак производителя действия по роду, характеру производимого действия, влияет на появление в диалектах т.н. вторичных атрибутивов, то есть таких, грамматические свойства которых позволяют включить их в категорию наименований производителя действия, но стилистические свойства приближают их к категории атрибутивных наименований или позволяют включить их в эту категорию.

Результаты диалектологических исследований показывают, что диалекты характеризуются большей спонтанностью языковых процессов, а также большим разнообразием языковых средств, служащих для образования экспрессивных наименований, чем литературный язык, а также то, что общей чертой тенденций, отличающих диалекты от литературного языка, является преобладание экспрессивных образований в диалектах. Экспрессия играет в диалекте несоизмеримо большую роль, чем в литературном (письменном) языке. Сравним отмеченные на мазовецко-малопольском пограничье отглагольные дериваты, называющие человека, который много говорит. Помимо деривата *gadula* здесь функционируют однокоренные наименования *gadac, gadaj, gadca*; остальные наименования, т.е. *klepa, trajkot, trzepok, papluga* соотносятся с глаголами *klepać, trajkotać, trajlować, trzepać, paplać*, ср.: *gadac to gada ji gada; klepa, to nie ve, co klepe; trajkot to jednym činjim trajkoce; z Maćejeski to taki čšepok, co čšepé ižzorym; papla ji papla ta papluga.*

Приведенные диалектные примеры свидетельствуют о связи лексического и категориального значения, а также импликации, из которой следует, что на включение некоторых дериватов в ту или иную словообразовательную категорию влияет реальное, лексическое значение мотивирующего слова, присутствующее и в основе деривата. Мы видим, что, с одной стороны, грамматический класс слов как частей речи и однородный характер функционального отношения между данным мотивирующим классом и словами, мотивированными им, определяет первичные основные признаки семантической категории, с другой же – реальное, единичное значение мотивирующих слов вносит новые семантические или стилистические элементы. Поэтому наименования производителей действия переходят в категорию атрибутивных имен.

Анализ диалектного материала демонстрирует, что экспрессивность дериватов может являться результатом:

1/ соединения основы, имеющей пейоративный оттенок значения, и эмоционально нейтрального форманта, ср.: *papr-ak* (грязнуля), *gad-acz* (болтун), *kanci-arz* (пройдоха);

2/ соединения основы, имеющей пейоративный оттенок значения, и форманта, имеющего пейоративный оттенок значения, ср. *plot-uch*, *part-ol*, *trajk-ot* (болтун, сплетник), *guzdr-ala* (медлительный человек);

3/ соединения эмоционально нейтральной основы и форманта, имеющего пейоративный оттенок значения, ср. *czyt-ala*, *gwizd-ala* (свистун) [ср. Grabias 1978: 89-102; Sajewicz 1990: 404-405; Waszakowa 1991: 180-187; Kowalska 2001: 291-297].

Хотя некоторые авторы обращают внимание на стилистический аспект дериватов из-за наличия отрицательно коннотированных формантов, однако дериваты типа *chwaluch* (хвастун), *guzdrala* (медлительный человек), *jqkala* (заика), *plotus* (сплетник) и т.п. они причисляют к агентивным (ср., например, пейоративные суффиксы *-uch* [Dobrzyński 1967: 21; Sławski 1974: 74; Malec 1976: 70-71], *-ala* [Gaertner 1934: 277-278; Pluta 1964: 38; Dobrzyński 1967: 10; Kowalska 1983: 72], *-us* [Gaertner 1934: 263; Sławski 1976: 34; Malec 1976: 74-75]).

Для примера сравним дериваты от глагольной основы *klamać* (лгать) и *plotkować* (сплетничать), а именно: *klamca* и *klameczuch*, *plotkarz* и *plotus*. Первые члены пар были образованы с помощью нейтральных формантов *-ca* и *-arz*, а вторые с помощью пейоративных *-uch* и *-us* [ср. Grzegorzczkova 1979: 91-92; Grabias 1980: 67; Kowalska 2001: 293-294]. Если первые могут означать «кого-то, кто обманывает, сплетничает в данный момент, сейчас», то вторые скорее имеют значение «кто-то, кто обманывает, сплетничает постоянно». Кроме того, в случае со словом *plotkus* мы имеем дело с нейтрализацией оппозиции грамматического рода, так как этим словом может быть названа как женщина, так и мужчина, а, как подчеркивает Роман Лясковский, «характерным явлением для экспрессивных **определений людей** (выделено нами. – РМ) является нейтрализация оппозиции грамматического рода» [Laskowski 1966: 33].

Говоря об экспрессивных наименованиях, стоит обратить внимание на факт одновременного функционирования, сосуществования большого количества синонимических номинаций, причем не только на крупных диалектных пространствах, но и в пределах одного диалекта, например, плачущего ребенка в деревне Нове (гмина Кросневице) могут называть: *beczoch*, *beksa*, *dulczek*/ *dulczka*, *miauczka*, *placzek*/ *placzka*, *skrzek*, *skrzekot*. Богатство, а также продуктивность суффиксов с одинаковым значением приводят к появлению структурных дублетов, т.е. наименований, описывающих объект по одному и тому же признаку, «сходных фонематически в корневой части» и отличающихся морфологически, ср. *krzyczek*, *krzykacz*, *krzykajło*, *krzykała* (крикун); *plociuch*, *plotkarz*, *plotuch*, *plotuśnik* (сплетник); *dokuczник*, *dokuczyciel*, *dokuczysz*, *dokuta* (назойливый человек).

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

На стилистический аспект в интересующих нас наименованиях делает акцент и Данута Буттлер [Buttler 1978: 40-41]. Буттлер пишет: «Интересно рассмотреть внутреннюю структуру наименований, описывающих человека по чертам его поведения, внешнему виду и интеллектуально-этическим характеристикам. Можно было бы сказать, что в ней своеобразным способом отражается общественная оценка некоторых неприятных черт характера. В разговорной речи негативную оценку получили такие характеристики поведения человека, как: болтливость (np. *pleciuch, papla, gadulski*) (...), услужливость (*lizus*), плаксивость (*beksa, mazgaj, mazepa*) (...), медлительность (*ślamazara, guzdralski, babrała, grzebala*), склонность к пьянству (*szmirus, chłacz, moczygęba*) (...), скупость (*dusigrosz, liczykrupa*)» [Buttler 1978: 40-41].

На фоне рассматриваемых здесь отглагольных образований заслуживают внимания также дериваты типа *chrapała* (человек, который храпит), *jąkała* (заика). Применяя к ним мнение, представленное в работе Витольда Дорошевского «Синтаксические основы словообразования», мы видим, что производителями действия могут быть только лица, реализующие задуманные действия, и в связи с этим понятие сознательного намерения становится, таким образом, составным элементом слова, обозначающего действие, а понятие субъекта действия отождествляется с понятием субъекта, действующего сознательно [Doroszewski 1963b: 75], замечаем, что эти дериваты не соответствуют критериям сознательности и намеренного действия. Отсутствие у них вышеуказанных критериев позволяет отнести дериваты типа *chrapała, jąkała* к атрибутивным, хоть и отглагольным, наименованиям.

Как мы видим, на отнесение деривата к той или иной словообразовательной категории влияют как категориальное, так и лексическое значение, и эту позицию следовало бы принять при классификации дериватов.

Учитывая, во-первых, критерий, предложенный Вацлавом Цоцкевичем, во-вторых, позицию Витольда Дорошевского, предложившего понимать производителя действия как субъекта, который действует сознательно, намеренно, в-третьих, учитывая возможность перехода дериватов из категории в категорию и, наконец, выражение помимо категориального (семантического) значения и значения стилистического, мы сможем ответить на вопрос о принадлежности деривата к категории агентивных или атрибутивных наименований.

ЛИТЕРАТУРА:

- Bak Piotr, 1968, *Gwara okolic Kramska w powiecie konińskim. (Zarys fonetyki i słowotwórstwa)*, Wrocław.
Brodowska-Honowska Maria, 1967, *Zarys klasyfikacji polskich derywatów*, Wrocław.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

- Buttler Danuta, 1978, *Kategorie semantyczne leksyki potocznej*, (w:) *Z zagadnień słownictwa współczesnego języka polskiego*, Wrocław, s. 37-45.
- Chludzińska-Świątecka Jadwiga, 1972, *Budowa słowotwórcza rzeczowników w gwarach Warmii i Mazur*, Prace Filologiczne, t. XXII, Warszawa, s. 160-289.
- Cockiewicz Waclaw, 2001, *Jak odróżnić działacza od nosiciela cechy?*, (w:) *Studia Językoznawcze. Dar przyjaciół i uczniów dla Zofii Kurzowej*, red. Z. Cygal-Krupa, Kraków, s. 53-62.
- Cyran Władysław, 1977, *Tendencje słowotwórcze w gwarach polskich*, Łódź.
- Dobrzyński Walenty, 1967, *Gwary powiatu niemodlińskiego*. Cz. II. *Morfologia, teksty gwarowe*, Wrocław.
- Doroszewski Witold, 1928, *Monografie słowotwórcze*. I. *Formacje z podstawowym -k- w części sufiksalnej*, Prace Filologiczne, t. XIII, Warszawa, s. 1-261.
- Doroszewski Witold, 1929, *Monografie słowotwórcze*. II. *Formacje z podstawowym -l- w części sufiksalnej*, Prace Filologiczne, t. XIV, Warszawa, s. 34-85.
- Doroszewski Witold, 1963, *Syntaktyczne podstawy słowotwórstwa*, (w:) *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria 2. Językoznawstwo, Warszawa, s. 65-78.
- Gaertner Henryk, 1934, *Gramatyka współczesnego języka polskiego*, cz. III. 1. *Słowotwórstwo*, Lwów-Warszawa.
- Gala Sławomir, Gala Beata, 2006a, *Słowotwórcze a leksykalne znaczenie wyrazu*, (w:) *Ze studiów nad gramatyką i leksyką języka polskiego i ukraińskiego*, red. F. Czyżewski, S. Gala, Lublin, s. 13-19 /Rozprawy Slawistyczne; 20/.
- Gala Sławomir, Gala Beata, 2006b, *Słowotwórcze, leksykalne, stylistyczne środki wyrażania ekspresji*, (w:) *Wyrażanie emocji*, red. K. Michalewski, Łódź, s. 378-384.
- Górniewicz Hubert, 1968, *Formanty przyrostkowe rzeczowników w gwarach malborskich*, cz. II, *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*, t. XIV, Łódź, s. 53-82.
- Grabias Stanisław, 1978, *Derywacja a ekspresja*, (w:) *Studia nad składnią polszczyzny mówionej. Księga referatów konferencji poświęconej składni i metodologii badań języka mówionego (Lublin 6-9 X 1975)*, Wrocław, s. 89-102.
- Grabias Stanisław, 1981, *O ekspresywności języka. Ekspresja a słowotwórstwo*, Lublin.
- Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, 1998, t. II, red. R. Grzegorzczkowska, R. Laskowski, H. Wróbel, Warszawa.
- Gruchmanowa Monika, 1969, *Gwary Kramsk, Podmokli i Dąbrówki w województwie zielonogórskim*, Zielona Góra.
- Grzegorzczkowska Renata, 1972, *Zarys słowotwórstwa polskiego. Słowotwórstwo opisowe*, Warszawa.
- Grzegorzczkowska Renata, Puzynina Jadwiga, 1979, *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime*, Warszawa.
- Klemensiewicz Zenon, Lehr-Splawiński Tadeusz, Urbańczyk Stanisław, 1964, *Gramatyka historyczna języka polskiego*, wyd. II, Warszawa.
- Kowalska Anna, 1983, *Polskie formacje ekspresywne z podstawowym elementem -l- w części sufiksalnej*, *Studia linguistica Polono-Jugoslavica*, t. III, Sarajewo, s. 67-78.
- Kowalska Anna, 2001, *Ludowe słownictwo ekspresywne a polszczyzna ogólna*, (w:) *taże, Studia nad dialektem mazowieckim*, Warszawa, s. 291-297.
- Laskowski Roman, 1966, *Derywacja rzeczowników w dialektach laskich*, cz. I. *Abstracta, collectiva, deminutiva, augmentativa*, Wrocław.
- Małec Tadeusz, 1976, *Budowa słowotwórcza rzeczowników i przymiotników w gwarze wsi Rachanie pod Tomaszowem Lubelskim*, Wrocław.
- Peplowski Franciszek, 1974, *Odczasownikowe nazwy wykonawców czynności w polszczyźnie XVI w.*, Wrocław.
- Pluta Feliks, 1964, *Dialekt głogówecki*. Cz. II. *Słowotwórstwo, fleksja, teksty gwarowe*, Wrocław.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Reichan Jerzy, 2000, *Problem kategorii i nadkategorii słowotwórczych (na przykładzie gwarowych nazw nosicieli cech i nazw wykonawców czynności)*, (w:) *Studia historycznojęzykowe III*, red. K. Rymut, W.R. Rzepka, Kraków, s. 123-127.

Sajewicz Michał, 1990, *Produktywne typy słowotwórcze dewerbalnych nazw agentywnych w gwarach białoruskich okolic Narewki i Białowieży na Białostocczyźnie*, *Slavia Orientalis*, t. XXXIX, nr 3-4, Lublin, s. 397-408.

Sajewicz Michał, 2002, *Derywacja sufiksalna osobowych nazw subiektów w nadnarwiańskich gwarach białoruskich Białostocczyzny*, Lublin.

Sławski Franciszek, 1974, 1976, *Słownik prasłowiański*, t. 1, 2, Wrocław.

Słowotwórstwo języka doby staropolskiej. Przegląd formacji rzeczownikowych, 1996, red. K. Kleszczowa, Katowice.

Szymczak Mieczysław, 1961, *Gwara Domaniewka i wsi okolicznych w powiecie łęczyckim*, Łódź.

Waszakowa Krystyna, 1991, *O wartościowaniu w słowotwórstwie*, *Poradnik Językowy*, z. 5/6, Warszawa, s. 180-187.

Zołotowa Wiera, 1964, *Образование существительных с суффиксами -nik и -arz в современном польском языке*, *Prace Filologiczne*, t. XVIII, cz. 3, Warszawa, s. 267-276.

Перевод Е.А. Поповой